

Г. П. МЕЩЕРЯКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Создание регулярной армии — вооруженной опоры абсолютизма — явилось одной из важных задач правительства Петра I.

Осуществляя реорганизацию армии, Петр I и его сподвижники уделяли главное внимание накоплению и обобщению своего национального военного опыта. Вместе с тем они не игнорировали и опыт иностранных армий. За границу посылались грамотные молодые дворяне, русские офицеры и некоторые иностранные офицеры, длительное время служившие в русской армии, хорошо знавшие ее потребности и возможности. В результате одной из таких поездок майор Вейде в 1698 г. представил обобщенный материал, изложенный в форме устава. Это была компиляция из ряда иностранных уставов, главным образом австрийского. По указанию Петра I материал был переработан, из него выбрано то, что отвечало требованиям русской армии¹. Одновременно устав Вейде был пополнен обобщенным отечественным опытом. В него был добавлен целый раздел «О учении обык-

¹ Н. Н. Обручев. Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 г. СПб., 1853, стр. 92—100.

новенном с кратчайшим растолкованием, також, что при том примечать и во осматрении иметь надлежит»². Но и после этого материал Вейде не полностью отвечал предъявляемым требованиям и не был напечатан. В рукописи он использовался при обучении войск. «Об этом, — пишет Л. Г. Бескровный, — свидетельствует то, что офицеры переписывали многие положения его в свои «воинские книги», которые обычно содержали только практически необходимые инструкции и материалы»³. Многие положения устава вошли в последующие наставления и инструкции. В марте 1700 г. издается первое оригинальное наставление «Воинские артикулы», составленное А. М. Головиным в 1699 г.⁴ В нем давались ясные указания и команды для обучения войск ружейным приемам и строю. Войска предлагалось учить не только ведению огня, но и ударам холодного оружия. Это были основные виды подготовки.

Очень остро тогда стояла проблема совершенствования форм и способов боевой подготовки войск. Так, с получением полками необученного пополнения перед ними встали задачи чему и как учить пополнения, вместе с обученными солдатами или отдельно. «Воинские артикулы» и вновь вышедшие наставления не давали ответа на эти вопросы. Жизнь, практика потребовали нового наставления, которое было разработано в том же 1700 г. и разослано в войска под названием «Краткое обыкновенное учение»⁵. Составители нового наставления широко использовали «Воинский артикул», устав Вейде и текущий учебный опыт русских войск. Но они не располагали материалами об их боевом опыте.

Опыт разработки «Краткого обыкновенного учения» показывает, что даже стихийное следование потребностям практики ограждает от серьезных ошибок. Авторам нового наставления удалось в общем правильно определить требо-

вания назревавшей войны к боевой подготовке войск, четко определить, чему и как учить войска, чтобы их боевая подготовка отвечала необходимому уровню.

Восстанавливаемые после сражения у Нарвы регулярные войска первое время обучались в соответствии с наставлениями, которые были разработаны еще до войны. Основным из них являлось «Краткое обыкновенное учение». В 1702 г. это наставление было переиздано⁶.

С началом Северной войны возникли значительные затруднения при организации боевой подготовки конницы. До войны было всего два драгунских полка. Между тем события первого же года войны показали важность этого рода войск и специфичность его боевой службы. За один 1701 г. было сформировано 12 драгунских полков⁷. В связи с этим встала жизненно важная проблема: чему и как обучать драгунские полки. Наставления и практические приемы, выработанные при обучении пехоты, не отвечали требованиям боевой службы конницы.

В первых наставлениях для конницы освещались преимущественно военно-правовые вопросы. Содержавшиеся в них указания по боевой подготовке заимствовались главным образом из зарубежных уставов. Изучение и использование зарубежного опыта применялись и на последующих этапах Северной войны. Все же главным источником для разработки новых инструкций и наставлений был отечественный опыт текущей войны. Русская драгунская конница впервые нанесла поражение значительному отряду противника 7 июля 1703 г. Способы ведения боя, примененные русской конницей в этом бою, легли в основу инструкции, разработанной А. Д. Меншиковым. В следующем году она стала обязательной для всей конницы. В инструкции Петра I Б. П. Шереметеву указывалось: «Сказать всем... чтобы по тем статьям делали, каковы даны 703 году, когда шли на Кронорту; також отнюдь бы не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет...»⁸

² «Письма Петра Великого, хранящиеся в императорской публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования». Составил А. Ф. Бычков. СПб., 1872, стр. 107.

³ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 109.

⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее — П. и Б.), т. I. СПб., 1887, стр. 347—353, 806, 810—811.

⁵ «Военные уставы Петра Великого». Сборник документов. М., 1946, стр. 24, 45—52.

⁶ П. Строев. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Ф. А. Толстова. М., 1829, стр. 416.

⁷ «История конницы. Примечания Ерикса к истории конницы Денисона». Перевод с немецкого, т. II. СПб., 1897, стр. 139.

⁸ П. и Б., т. II. СПб., 1889, стр. 210—211; т. III. СПб., 1893, стр. 79—81, 395.

Сильной стороной русской военно-теоретической мысли того времени являлась органическая связь разрабатывавшихся наставлений, инструкций, отдельных руководящих идей с опытом войск, одним словом, теории с практикой. Однако такая связь часто понималась прямолинейно. Общие руководящие положения, советы выводились и формулировались на основе отдельных более или менее крупных, удачных (или неудачных) боевых действий. Местное и частное не выделялось из общего, случайное — от необходимого. Этот недостаток наиболее отчетливо выступал в указаниях Петра I, которые нередко начинались фразой: «Понеже я в последней акции видел...»⁹. На основе того, что он видел «в последней акции» (бою), часто формулировались обобщенные указания. Между тем боевые действия велись на огромной территории, в самых различных и резко меняющихся условиях. Поэтому наставления быстро устаревали, требовали постоянных дополнений, уточнений.

В 1705 г. стратегическая обстановка для русской армии резко ухудшилась. Многие приемы ведения боя, которые рекомендовались действовавшими наставлениями, не отвечали изменившейся обстановке. Угроза вторжения врага потребовала срочной разработки нового наставления. Видимо, Петр I лично в начале 1706 г. разрабатывает небольшое наставление: «Пункты командирам батальонов»¹⁰. Это было первым наставлением, полностью разработанным на основе текущей боевой и учебной практики.

Основные идеи нового наставления резко отличались от господствовавших уставных положений западноевропейских армий. Западноевропейская военная мысль, скованная шаблонами линейной тактики, не придавала особого значения фактору времени, внезапности, недооценивала важности маневроспособности войск. Автор рассматриваемого наставления исходил из признания решающей роли этих факторов, все его практические советы были нацелены на то, чтобы добиться постоянной готовности подразделений и частей к боевым действиям. В небольшом наставлении намечалось общее направление, ставились первые вехи на пути практической и теоретической разработки маневра, той тактики,

которая через три года обеспечила русским войскам блестящую победу у Лесной и полный разгром шведской армии под Полтавой.

В тех случаях, когда для решения какого-либо сложного практического вопроса русское командование не располагало современным обобщенным опытом, Петр I обращался к иностранной литературе. Так, в начале 1706 г. им были приняты некоторые меры по организации обороны западной и северо-западной границ. Практически эти меры сводились к использованию средств и способов, которые в подобных случаях применялись Русью еще в XVI в. Но Петр I, видимо, не был уверен в их эффективности в современных условиях. Поэтому летом того же года он приказал послу в Голландии закупить все имеющиеся там книги по фортификации и выслать в Россию¹¹.

Крупным памятником русской военно-теоретической мысли начала XVIII в. является решение Жолкиевского совета (декабрь 1706 г.). Учитывая слабое место противника, его зависимость от местных средств, совет предложил «оголождением правянта и фуража томить неприятеля...»¹². Одновременно войскам предлагалось широко использовать все мало-мальски выгодные оборонительные рубежи для постепенного обескровливания противника. В Жолкиеве было спланировано использование выгодных свойств глубокого театра военных действий, выработаны приемы стратегических действий, которые обеспечивали выполнение плана, принятого советом. Этим вносился значительный вклад в практическую и теоретическую разработку важной, но тогда совершенно не изученной области военного дела.

Выдвинутые в Жолкиеве цели были достигнуты. Силы противника истощались, а русские войска, приобретая все более многообразный опыт и боевые навыки, становились сильнее. Стратегическая обстановка складывалась все более выгодно для русской армии. Между тем действовавшие наставления нацеливали войска на осторожные действия. Чтобы привести уставные положения в соответствие с требованием меняющейся обстановки и боевой практикой войск,

⁹ Там же, т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 9.

¹⁰ Там же, т. IV, ч. 1. СПб., 1900, стр. 141—142.

¹¹ Там же, стр. 107—108, 154—156. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. II. М., 1837, стр. 242.

¹² «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира», ч. 1. СПб., 1770, стр. 144.

в марте 1708 г. было издано новое наставление: «Учреждение к бою»¹³.

Оно было составлено в действующей армии и утверждено Петром I в Бешенковичах. Связь предлагаемых в «Учреждении к бою» приемов по обучению и боевому применению войск с текущей боевой практикой и ее требованиями неоднократно подчеркивается в самом тексте наставления. Оно и начинается словами: «Учреждению к бою по настоящему времени рассуждается по сему».

В новом наставлении проводится более отчетливо и полно мысль о подчинении форм и способов обучения войск требованиям их боевой практики. Принцип — учить войска тому, что потребуется от них в бою, — наполняется конкретным содержанием.

Солдат, освоивших строй и ружейные приемы, новое наставление предлагало «непрестанно тому учить, как в бою поступать, то есть справною и не спешную стрельбою, добрым прицеливанием, справными швенкелями, отступлением и наступлением, тянутьем линией, захватыванием у неприятеля фланки, секундованием¹⁴ едины другим и прочие обороты и подвиги воинские...»

Более четко и конкретно были определены обязанности начальствующего состава при обучении войск и в бою. Наставление обязывало старших начальников систематически заниматься с сержантским и офицерским составом, повышать их знание и умение. Старшие получали право поощрять добросовестных и способных подчиненных, вплоть до повышения в должности, и отстранять от должности тех, кто не справлялся со своими обязанностями. От подчиненного требовалась не механическая исполнительность, а инициативные действия. «Надлежит, чтобы каждый капитан и прочие офицеры каждый своею ротой командовали, а не на маеора смотрели во всем...»¹⁵

Связь разработывавшихся наставлений, инструкций с повседневной практикой особенно наглядно выступает

¹³ П. и Б., т. VII, вып. 1, ПГ., 1918, стр. 99—104.

¹⁴ Швенковаться — менять направление посредством захождения флангов, т. е. применять одну из форм маневра. Секундовать — охранять, поддерживать соседа. Этим было положено начало разработки большого круга вопросов, связанных с воспитанием войск в духе взаимомощи.

¹⁵ П. и Б., т. VII, вып. 1, стр. 100.

в наставлении, которое было издано под названием: «Правила сражения»¹⁶. Время его составления документально не установлено. Однако можно полагать, что оно составлено не ранее неудачного для русской армии боя у Головчина 3 июля 1708 г. или вскоре после этой даты. Скорее всего «Правила сражения» были ответом на события у Головчина и одним из мероприятий для предупреждения повторений подобных случаев. Основной текст «Правил сражения» предваряется такой фразой: «Некоторые регулы, которые при баталии предстержены быть имеют»¹⁷.

Практические приемы ведения боя, выработанные в войсках, часто опережали действовавшие наставления. К лету 1708 г. в русской армии накопился разносторонний опыт по совместному применению в бою пехоты и конницы, совершенствовались формы и методы применения артиллерии, вырабатывались приемы ее взаимодействия с остальными родами войск. Но все это оставалось достижением отдельных частей, применялось не систематически и не совершенствовалось.

Вопросы организации и поддержания взаимодействия родов войск в бою стали первоочередными. Ответом на эти требования была разработка «Правил сражения». В новом наставлении не копируются поучительные образцы прошлого. Оно разработано на основе учета назревших требований боевой обстановки. В специальном исследовании Л. Г. Бескровного по военному источниковедению «Правила сражения» отнесены к выдающимся памятникам военно-теоретической мысли начала XVIII в.¹⁸

В наставлении впервые ставились и решались важные практические вопросы по ведению общевойскового боя. Так, в рекомендациях по боевому применению конницы и артиллерии (§ 10—12) проводится мысль о том, что боевые действия этих родов войск должны подчиняться интересам пехоты — главного рода войск¹⁹. Влияние основных положений «Правил сражения» на построение русских войск и способы ведения Полтавской битвы бросается в глаза даже при беглом сравнении содержания наставления и боевых событий под Полтавой.

¹⁶ Там же, т. VIII, вып. 1, М.—Л., 1948, стр. 6—13.

¹⁷ Там же, стр. 6.

¹⁸ Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 114.

¹⁹ П. и Б., т. VIII, вып. 1, стр. 11.

До 1709 г. в России не издавались специальные наставления и другие труды о подготовке и боевом применении артиллерии. Это объяснялось не только сложностью артиллерийского дела и недостатком подготовленных артиллеристов, знакомых с особенностями русской армии, но и тем, что до 1708 г. артиллерия особого влияния на исход боевых столкновений не оказывала. Только после битвы под Полтавой, в которой русская артиллерия оказала решающее влияние на весь ход сражения, интерес к артиллерии резко возрос. Практика русской армии потребовала специальных работ по артиллерии. Но ни времени, ни подготовленных людей не оказалось. Обратились к иностранной литературе. В сентябре 1709 г. вышел перевод труда артиллериста Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии»²⁰. В следующем году издаются две книги по артиллерии: голландского артиллериста Т. Бринка «Описание артиллерии» и второе издание книги Брауна.

При выборе оригиналов для перевода и издания исходили из сложившихся в русской армии взглядов на задачи теории и на ее соотношение с военной практикой. Оба автора были артиллеристами-практиками, обобщавшими достижения своего времени для решения практических задач. Книга Брауна привлекла внимание Петра I тем, что в ней вопросы внутреннего порядка в артиллерии решались примерно так же, как и в русской артиллерии. При выборе второй книги исходили из того, что материальная часть русской и голландской артиллерии во многом была сходной. Поэтому практические советы Бринка по изучению, уходу и боевому применению артиллерии могли почти полностью применяться и в русской артиллерии.

В отдельности ни одна из этих книг не отвечала всем требованиям учебной и боевой практики того времени. Книга Брауна вышла в Гданске еще в 1682 г. В ней многое устарело, но немало было и полезных советов, чему и как учить артиллеристов, как при различных обстоятельствах применять артиллерию в бою. При этом упор делался на изучение и применение полевой артиллерии, что больше всего интересовало русских артиллеристов²¹.

В книге Бринка, небольшой по размеру, более или менее подробно освещены практические приемы изучения и сбережения материальной части артиллерии. О боевом применении артиллерии, главным образом крепостной, говорилось кратко²².

В августе 1711 г. вышла в русском переводе капитальная работа саксонского артиллериста И. З. Бюхнера: «Учение и практика артиллерии, или внятное описание, в нынешнем времени употребляющейся артиллерии; купно со иными, новыми и во практике основанными, маниры...»²³ Судя по заглавию, в книге Бюхнера обобщался современный опыт, чем восполнялись недостатки ранее изданных работ.

Использование обобщенного иностранного опыта, издание иностранных трудов в переводах на русский язык, несомненно, ускоряло выращивание национальных кадров. Во второй половине 20-х годов XVIII в. появляется оригинальное исследование русского автора по вопросам артиллерии. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве Военно-исторического музея артиллерии и военно-инженерных войск (АВИМАИВ) записная книжка офицера бомбардирской роты Д. Муравьева под названием: «Всякому констапелю об артиллерии». В записной книжке Муравьева, исследованной А. Г. Бескровным, содержится рукопись: «Подлинное научное от артиллерии констапелям морским и сухопутным»²⁴.

В военной литературе XVIII в. встречаются ссылки на книгу майора Лихарева «Тактика артиллерии», напечатанную в 1719 г. в качестве пособия для изучающих артиллерийское дело. Наконец, в словаре о русских писателях указывается работа Т. Бринцкого «Описание огнестрельной науки», которая была издана в Москве в 1720 г.²⁵

Заметный вклад русская военно-теоретическая мысль первой четверти XVIII в. внесла в разработку военно-инженерного дела. К этому разделу военной науки и практики Петр I проявлял большой интерес с начала организации регулярной армии. Первое время совершенствовались приемы,

²² «Описание артиллерии... чрез Тимофея Бринка». М., 1710, стр. 173—195.

²³ П. Строев. Указ. соч., стр. 514.

²⁴ А. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 125—126.

²⁵ «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий». Собрал Н. Новиков. СПб., 1772, стр. 20.

²⁰ П. Строев. Указ. соч., стр. 506.

²¹ «Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года». М., 1709, стр. 106, 164.

выработанные отечественной практикой в XV—XVII вв. Но ее оказалось недостаточно для решения задач, выдвинутых в ходе Северной войны.

Жизнь требовала обобщения более широкого и новейшего опыта. Но русская армия не располагала тогда необходимыми кадрами. Поэтому снова пришлось обратиться к обобщенному иноземному опыту. Переводились выборки из многих трудов. Один из таких сборников вышел весной 1709 г. под названием: «Архитектура воинская, гипотетическая и эклектическая, то есть: верное наставление, как разными, немецкими, французскими, галанскими и италианскими манирами, с добрым прибытком как в регулярной, так и в иррегулярной фортификации, пользоваться возможно. Из семидесять и более разных манир, которые от лутчих нынешних инженеров выбраны, отчасти же самим автором изданы. . .»²⁶

Наряду с зарубежными широко использовались отечественные опыт и традиции. Но теперь главное внимание обращалось на изучение материалов по применению подвижных укреплений типа «гуляй-города».

Опыт прошлого не перенимался русской армией механически, а использовался творчески, в соответствии с конкретной обстановкой. Выработывавшиеся новые способы применения фортификации обобщались и использовались для совершенствования военно-инженерного искусства. Так, на поле боя вырабатывались основные принципы русской военно-инженерной школы, складывалась и сама школа.

Крупнейшим памятником русской военно-теоретической мысли первой четверти XVIII в. является «Устав воинской 1716 года». Его содержание, порядок, ход разработки многократно исследовались в дореволюционной и советской печати²⁷. Поэтому мы ограничимся рассмотрением слабо или совсем неисследованных сторон этого замечательного творения русской военно-теоретической мысли.

Большая часть прежних наставлений, инструкций не только появлялась под влиянием отдельных боевых событий, но и разрабатывалась в основном на опыте отдельного сражения. Способ действий, обеспечивавший успех в том или

ином бою, принимался за эталон, рекомендовался как образец для действия в сходных условиях. При составлении «Устава воинского» использовался опыт всего минувшего этапа войны.

«Устав» давал указания по важнейшим вопросам жизни и деятельности армии, в частности по организации управления войсками в бою. Делается обязательным для всех старших начальников составление письменных документов о задачах и построении войск к бою. По «Уставу», генерал-фельдмаршал обязан был в предвидении сражения «учинить ордер де батальи»²⁸ всей армии. . .»²⁹ Это требование распространялось на всякого старшего начальника. Подчеркивалось, что действовать нужно в соответствии с обстановкой, с положением противника. «Устав» не давал указаний на все случаи. В главе «О походе войск» говорилось: «. . . все от мудрой осторожности командующего генерала зависит по обстоятельству дела и случая таким или иным образом, чего подробну здесь описать не можно»³⁰.

«Устав воинской» вносил большой вклад в развитие военно-инженерной мысли, в совершенствование военно-инженерного искусства. Личный состав инженерных подразделений считался органической частью армии, и от него, как и от личного состава других родов войск, требовалось не только знание своей специальности, но и храбрость, способность к непосредственному участию в бою. Впоследствии это стало традицией русской передовой военно-инженерной школы.

Вопросы боевой подготовки войск освещены в «Экзерциции, при уготовлении к маршу. . .», ставшей позже IV частью «Устава воинского». В ней отчетливо выступает требование последовательности в обучении от простого к сложному внутри того или иного раздела боевой подготовки и при переходе от одного раздела к другому.

В IV части «Устава» давались более конкретные указания, как вести стрелковую подготовку, чтобы «солдаты обывкали так, как в самом бою»³¹. Менее отчетливо выдер-

²⁸ Размещение войск в боевом порядке.

²⁹ «Устав воинской о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно». М., 1804, стр. 11.

³⁰ Там же, стр. 55.

³¹ Там же, стр. 155.

²⁶ П. Строев. Указ. соч., стр. 503.

²⁷ П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого. — «Петр Великий». Сборник статей. М., 1947 г.; А. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 114—122.

жан этот принцип в указаниях по строевой подготовке. Неполноценно много места уделено указаниям, как отдавать «комплемента» генералам и бригадирам, как проходить перед ними³².

Сравнительный анализ содержания «Устава воинского» с практической деятельностью русских войск и с содержанием прежних наставлений, инструкций вскрывает более серьезные его недостатки. Так, в «Правилах сражения» полнее, чем в «Уставе воинском», раскрывались основные черты общевойскового боя того времени, полнее проводилась мысль о необходимости организации взаимодействия родов войск. В этом наставлении в указаниях по применению конницы, артиллерии подчеркивалось, что необходимо прежде всего добиваться успеха пехоты. В «Уставе воинском» говорилось о равенстве старших генералов родов войск, что объективно приводило к признанию равнозначности родов войск в бою.

В «Уставе воинском» менее четко и последовательно, чем в «Правилах сражения», проводилась мысль о необходимости творческого применения уставных положений, хотя в нем и подчеркивалась необходимость действовать в соответствии с обстановкой. В то же время проявление инициативы «Уставом» допускалось только со стороны генералитета, да и то с оговорками³³. Между тем повседневная практика по обучению войск и их боевому применению показывала, что действовать в соответствии с обстановкой можно лишь при проявлении инициативы всего начальствующего состава.

Новый устав не отменял действовавших наставлений и инструкций. По ряду даже важных вопросов «Устав воинской» ограничивался краткими замечаниями только потому, что эти вопросы освещались в ранее разработанных руководящих документах и освоены войсками³⁴. Это снижало практическую значимость «Устава воинского» и создавало значительные трудности при его применении в войсках.

Видимо, по этой причине Петр I подготавливал материал для переработки и дополнения «Устава воинского». О направлении, в котором предполагалось переработать действующий устав, можно судить по новой статье об обязанностях

офицерского состава, написанной Петром I в 1722 г. В ней давались более конкретные, чем в «Уставе воинском», указания о необходимости повседневной заботы о солдатах. В связи с этим по-новому ставился и решался вопрос о соотношении требований «Устава» и инициативных действий исполнителя.

В целом материалы, подготовлявшиеся для переиздания «Устава 1716 г.», свидетельствуют о значительном росте русской военно-теоретической мысли. Обобщающие формулировки и практические рекомендации стали более совершенными, ближе к научной терминологии, выработанной к тому времени в более развитых областях знания.

Переработать «Устав» не удалось. Но и в первоначальном виде «Устав воинской», обобщавший разностороннюю военную практику русской армии и все наиболее ценное зарубежных уставов, отвечал основным требованиям военной практики многие годы. Он неоднократно переиздавался³⁵. Последнее его издание вышло в 1814 г.³⁵

³² Там же, стр. 164—166.

³³ Там же, стр. 3, 9—10, 55—56 и др.

³⁴ Там же, стр. 154, 156 и др.